

Роман Воликов

В ожидании революции

Роман Воликов

В ожидании революции

«Издательские решения»

Воликов Р.

В ожидании революции / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749696-8

Этот сборник рассказов написан для тех, кто не испытывает никаких иллюзий в отношении процессов, происходящих в родной стране

ISBN 978-5-44-749696-8

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

В ожидании революции	6
Приказ никто не отменял	16
1	16
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В ожидании революции

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ожидании революции

Он досмотрел по телевизору новости про украинские события и пришёл к окончательному выводу: революция наступит неизбежно. Неизбежно означало через два-три года.

Он позвонил дочке:

– Твои планы поехать после третьего курса по обмену в Италию не изменились?

– Не изменились, – сказала Алиса. – Я сдала предварительный экзамен. Только пошли какие-то нехорошие разговоры про визовые ограничения.

– Приезжай к трём часам в кафе в Центральном доме художника.

– Привет, папа! – сказала Алиса и села за столик. – Как дела?

– Всё в порядке, ласточка. Работы много.

– На чью выставку сегодня пойдём? – беззаботно спросила дочка. В свои двадцать лет она была переполнена энергией и любопытством к жизни.

– Сегодня на выставку не пойдём, – улыбнулся он. – Есть серьёзный разговор. Ты едешь в Пармский университет? Когда?

– В Парму или в Турин, – сказала дочка. – Мне больше нравится Парма. В конце сентября.

– Давай поступим так, – сказал он. – Я наскребу к августу максимальное количество денег, к сожалению, не очень много, в нашей конторе сейчас платят плохо, но примерно пять тысяч евро соберу. Ты уезжаешь в Италию по туристической визе, остаёшься там до конца сентября. Если студенческий обмен сорвётся, устроишься на работу. Ты ведь хорошо изъясняешься по-итальянски.

– Что-то случилось, папа?

– Всё катится к чёртовой матери, – сказал он. – То есть, катится довольно давно, ещё до твоего рождения и даже до моего, но сейчас этот процесс приобрел вполне конкретные очертания. Смутные времена лучше переждать в цивилизованной стране. Тебе же нравится Италия?

– Нравится, – сказала дочка. – Но если виза будет просрочена это нарушение. Меня могут выдворить.

– Нарушение не самое страшное, – сказал он. – Твоя задача не попадаться на глаза полиции. Кроме того, если я прав, получить статус беженки будет довольно легко.

– Тогда можно выйти замуж, – сказала дочка.

– Давай без крайностей. Замуж надо выходить по любви. Так что не торопись с этим делом.

В понедельник он приехал в институт ближе к обеду и сразу пошёл в закуток к начальнику.

– Привет, Колян!

– Чего опаздываешь? – спросил начальник. – Плохо себя чувствуешь?

– Отпуск хочу взять на пару недель, – сказал он. – У меня тут семейные обстоятельства.

– Бери, – равнодушно согласился Колян. – Заказ всё равно подвис. На отпускные не рассчитывай.

– Перебьюсь, – сказал он. – Понимаю ситуацию.

Их институт выиграл тендер на проектные работы по сооружению центральной кольцевой автодороги, но финансирование откладывалось уже который месяц. Других серьёзных заказов не было.

– Новая бухгалтерша вышла на работу, – сказал Колян. – Наш случай. Около сорока, разведёнка, упругая, глазастенькая. Рекомендую обратить внимание.

– Обязательно. После отпуска и займусь.

Вечером в пивном баре возле дома он разглагольствовал перед интеллигентного вида толстяком.

– Это начало конца – то, что происходит на Украине. Мандат, выданный историей Российской Империи, давно истёк.

– Полностью с вами солидарен, – сказал толстяк. – У нас сто пятьдесят миллионов бездельников, а тут ещё тридцать миллионов дармоедов из Юго-Восточной Украины присоединятся. И все с претензией: мы – Донбасс, мы – оборонная промышленность. Пенсии нам давай, социальные льготы. Только кому их харьковские танки в наше время нужны.

– Нефтяных доходов на всех не хватит, – сказал он. – А с учётом нашего воровства и надеяться бессмысленно. У Путина не останется выбора: только ввести военное положение, отгородиться от всего мира высоким железным забором и помахать ядерной дубинкой. Когда вокруг одни враги, можно рассчитывать на единение душ. Давнишняя православная общинная логика. Только народ нынче другой. Не потерпит царя, как его не обзови. Вот тут бедлам и начнётся.

– Насчёт народа в корне не согласен, – сказал толстяк. – В нашей стране семьдесят лет методично уничтожали генофонд, чмырили, травили, миллионами кидали в жерло войны. Что мы получили в результате: быдло правит быдлом. Заметьте, из всех волн эмиграции почти никто из порядочных людей так и не вернулся. Считанные единицы. Солженицын, например, приехал, бороду отрастил, думал, новым Львом Толстым станет. Не стал, никто его слушать не захотел. Так и помер в забвении.

– Он разве умер? – сказал он.

– Вот и я говорю, – сказал толстяк. – Встанет наш добрый народ в очередь за колбасой, море в Крыму есть, Сочи теперь высочайшим повелением вообще суперкурорт. Паёк есть и, слава богу, можно дальше баклуши бить.

На следующий день он приехал в Наро-Фоминск, проверить бабкин дом. В доме он был последний раз лет пятнадцать назад, бабка ещё была жива, он ещё жил с женой, они с дочкой ходили в лес за дикой малиной. Дом стоял тёмный, с покосившейся крышей, но стекла были целые. Он снял бесполезный проржавевший навесной замок с двери и вошёл. На него пахло пылью и паутиной. «Крыша вроде не потекла, – подумал он. – Отмыть, обои поклеить, жить можно. Дрова надо будет купить».

– Кто там? – услышал он старушечий голос.

Он вернулся на крыльцо.

– Здравьете, тётя Паша! Это – я.

– Серёжа?! – старушка подслеповато смотрела на него. – Давненько тебя не было. Поседел ты, милый. Наследство приехал проверить?

– Да, – с натянутой улыбкой сказал он. – Я здесь, пожалуй, поживу. Надоела городская жизнь.

– Это правильно, – сказала тётя Паша. – Дому хозяин требуется, дом без хозяина чахнет.

К вечеру он закончил уборку и затопил печку. Стало тепло и уютно. Он достал карманный калькулятор и занялся расчётами.

Квартиру продам за полцены, тысяч за тридцать бакселей. Надеюсь, что уйдёт быстро. Пройдусь по банкам, попробую получить потребительский кредит. Рожа у меня благопристойная, биография чистая, десятку в общей сложности настроляю. Можно оформить машину в кредит, потом умельцам на разбор продать, слышал, есть такие. Они, красавцы, документы вряд ли потребуют. Это ещё десятка, пожалуй.

Пятьдесят тысяч долларов, не так плохо. Половину наличными отошлю дочке, когда она в Италии устроится. Она девочка разумная, не просрёт. На вторую половину куплю золото. Золото в дикие времена важнее, чем деньги.

Прямо как в кинофильмах про гражданскую войну, невесело подумал он, золото да брюлики меняли на хлеб да сало. Не ожидал я, что к такой жизни готовиться придётся.

«Не кисни!» – сказал он. Ждал, не ждал, эх, спиздить бы где-нибудь тысяч двести-триста баксов, свалить в тёплую страну, жить на пляже и бананы жрать. Не тому я в институте учился...

С работы он решил не увольняться. Тоже копеечка, на прокорм. Колян, начальник, был мужик свой, сто лет знакомы, привередничать не стал: «Ты заходи для приличия раз-другой в неделю. Где приработок-то нашёл? Позвал бы старого товарища, а то меня Ленка совсем запилила, деньги ей давай, деньги».

– Постепенно позову, – ловко ответил он. – Там, понимаешь, всё нелегально, «в чёрную», лишних глаз не любят. Меня по большой протекции пристроили.

– Ну, ладно, – сказал Колян. – Если надо, я хоть днём, хоть ночью. С бухгалтершей новой познакомился? Юля зовут. Хорошая баба, глаза так и блестят.

– А вот сейчас и познакомлюсь, – сказал он и отправился в бухгалтерию.

Юля сидела за компьютером и рассматривала фото морских пейзажей.

– Как вы относитесь к американскому кинематографу? – спросил он.

Бухгалтерша оторвала глаза от красот гваделупского берега:

– Положительно.

– В таком случае, можно вас украсть у мужа на несколько часов?

– Муж успешно объелся груш, – сказала Юля. – А вот в кино я давно не была. Приглашение принимается.

Ночью они лежали в постели и курили.

«Почему ты развёлся с женой?» – вопрос прозвучал скорей как простая формальность.

– У меня было как в анекдоте, – сказал он. – Неожиданно вернулся из командировки и застал жену с любовником. Дал по морде обоим, развернулся и ушёл.

– Женщины просто так не изменяют, – сказала Юля. – Чем-то ты её очень сильно обидел.

– Она сама себя обидела, по жизни. Я ведь жениться не хотел, она прицепилась как баный лист, всех моих девок разогнала. Убаюкивала, короче, домашними заботами. Ну, и мне неудобно, что ли, стало. Только вот вставал на неё через пень колоду, как вообще дочка получилась, удивительно. А когда дочка родилась, разводиться совсем было не по-людски, сама понимаешь.

– Чудеса, да и только! – хохотнула Юля. – Дочка-то хоть от тебя?

– От меня, – упрямо сказал он. – Характер точно мой.

– Тебе всего сорок шесть, – сказала Юля. – Мужчина в самом расцвете. Можно заново начать семейную жизнь.

– Можно, – сказал он. – Но я не хочу...

В двух банках кредит дали без особых проволочек, в общей сложности, пятнадцать тысяч долларов. А вот в третьем произошёл затык. Милая чернобровая красавица сходила с его документами во внутреннее помещение и, вернувшись, сообщила:

– Сергей Владимирович! К сожаленью, наш банк не сможет дать вам кредит.

– Почему? – спросил он.

– Нам вообще-то запрещено объяснять, – красавица сделала заговорщицкое лицо, – но скажу по секрету, у вас большая закредитовка. Вы же взяли кредит в... – Она произнесла названия банков.

– Да, – сказал он.

– Вот видите. Исходя из представленной справки о доходах и уже имеющейся ссудной задолженности, вы попадаете в категорию неблагонадежного заёмщика. Банки будут вам отказывать.

– Жаль! – сказал он. – Я затеял ремонт загородного дома и рассчитывал на эти деньги.

– Вы не рассматривали вопрос залога? – спросила красавица.

– Вопрос чего? – переспросил он. – Извините, я не разбираюсь в банковской терминологии.

– Вы предоставляете в качестве обеспечения кредитных средств дом, квартиру, любое движимое и недвижимое имущество в пределах Москвы и области. Имущество оценивается независимой компанией и по определенной формуле рассчитывается сумма кредита. Она может оказаться значительно больше, чем вы запрашивали.

– Любопытно, – сказал он. – Но, мне кажется, это муторно и очень долго придётся оформлять документы.

– В нашем банке работал один человек, – красавица помедлила. – Сейчас он кредитный брокер. Как раз именно этими проблемами и занимается. Дать его телефон?

– Будьте так любезны! – сказал он.

Он вышел из банка, дошёл до ближайшего скверика и плюхнулся на лавочку. Для второй половины августа было слишком жарко.

Дочка уже почти неделю разъезжала по Италии. Это была хорошая новость. Остальные были хуже. Квартира продавалась плохо, хотя он понизил цену до двадцати пяти тысяч и поменял агента.

– Рынок стоит мёртвым колом, – объясняли ему в риэлтерской фирме. – Никто не хочет покупать, все хотят продать.

Обстановка в стране действительно становилась всё напряжённее. Это ощущение не подтверждалось никакими конкретными фактами, телевидение и интернет старательно муссировали жизнерадостность и, пожалуй, некоторую воинственность, у них следующим рубежом, после Олимпиады, был чемпионат мира по футболу, но, как ему казалось, лица пассажиров в общественном транспорте становились всё злобнее, а отрывки разговоров, которые он случайно слышал, всё более угрюмыми. Возможно, конечно, ему это мерещилось, валить за кордон, однако, было всё равно не на что.

«Сука!» – выругался он. Диссидентам в советские времена было куда как легче. Повонял о правах человека, из страны выдворили, и сразу тебе бабок на карман, чтобы с голода не сдох и дворником не работал. А если уж годик-другой лес в тайге пилил, вовсе красота – «узник совести». И виллу на берегу моря дадут, и девку с большими сиськами и длинными ногами.

«Сука!» – Он взглянул телефонный номер, написанный на листочке банковской красавицей. Позвоню, решил он, надо хвататься за любую соломинку.

Офис у брокера был захудалый, две крошечные комнатки в подвале бывших фабричных зданий на Бауманской, переделанных в дешёвые деловые центры, но сам парень производил приятное впечатление, схватывал быстро, вопросы задавал по существу.

– Не густо, – сообщил он резюме после расспросов. – Про бабкину халупу можно сразу забыть, под квартиру много не дадут, банки установили чудовищный дисконт по залогам. Боятся. И невозврата боятся, и куда потом с недвижкой деваться, не знают. Вам кредит для чего нужен?

– Деньги получить и за границу уехать, – сказал он. – Здесь жопа скоро будет.

– Не бойтесь вот так, в открытую, говорить с незнакомым человеком? – поинтересовался брокер.

– А чего мне тебя бояться? – он без лишних церемоний перешёл на ты. – Ты жулик, мне с тобой детей не крестить, закладывать меня тебе резона нет, а получится что, я поделюсь, я – нормальный человек.

– В одном вы точно правы, – сказал брокер. – Интерпол мелочёвкой не занимается. Приходите завтра, я подумаю о схеме.

От станции до бабкиного дома он решил пройти пешком. «Нажраться, что ли?!» Все последние недели его не покидало тоскливое ощущение, что он совершает нечто, очень похо-

жее на предательство. «Какое на хрен предательство?! – злился он. – Много тебе эта страна дала!»

«Не так уж мало, – ответил внутренний голос. – Ты высшее образование получил, живёшь в родительской квартире, которую им государство когда-то бесплатно вручило. Не так мало...»

– Квартиру вручило, – сказал он, – а жизнь отобрало.

Родители погибли несколько лет назад в дачном автобусе, в который врезался пьяный гастарбайтер, водитель самосвала.

– Слушай, я не боец, – сказал он пыльному тополю, одиноко растущему у обочины. – Мне скоро полтинник. Я хочу жить спокойно в спокойной стране. На мою долю социальных потрясений уже достаточно. И ещё я хочу, чтобы моя дочка зарабатывала на жизнь мозгами, а не раздвигала ноги на столе перед каждой тварью.

– Бахнем по пиву? – предложил брокер и поставил на стол две бутылки хайнекена.

– Давай, – сказал он.

– Можно дёрнуть поляма, – брокер отхлебнул пива.

– Долларов? – уточнил он.

– Долларов или евро, разница не принципиальная, – сказал брокер.

– Посодют, – сказал он.

– Если резко свалишь из страны, то не посодют, – в тон ответил брокер. – Не найдут.

– Резонно, – сказал он. – Что надо делать?

– Ваш институт подписал госконтракт на проектирование ЦКАД? – спросил брокер.

– Да, – подтвердил он. – А толку? Бюджет ни хрена не платит.

– А вот это не важно, – сказал брокер. – Важно место в схеме. Покупаем на твоё имя ооошку «Золупкин и сыновья», какой-нибудь «Спецтехстройкомплект». Ооошку берём несвежую, чтобы года три существовала, бухгалтерскую отчётность я слеплю. Сферу деятельности делаем всякие земляные работы и прочую строительную фигню, я посмотрю, что не лицензируется. Ты, как директор фирмы, подписываешь контракт с институтом на субподрядные работы, примерно на лям долларов в рублёвом эквиваленте. Институт даёт гарантийное обязательство оплатить твою работу после третьего зелёного свистка. В банках сейчас кредитные портфели тощие, под контракт с исполнителем госзаказа кредит дадут. И особо не будут проверять, что к чему.

– А как эти деньги в баксы превратятся? – спросил он.

– Говно вопрос, – сказал брокер. – Отгонишь со счёта безнал на специально обученную контору за материалы, оборудование и прочее, я дам реквизиты, они всё сделают в лучшем виде. Полученную сумму, за минусом небольшой комиссии банковским работникам, пилим пополам.

– Пилите, Шура, пилите, они золотые! – сказал он.

– Что, простите? – сказал брокер.

– Так, ничего. Классика вдруг вспомнилась. А если кинешь?

– Нет смысла, – сказал брокер. – Если я тебя кину, ты побежишь в ментовку, тебе терять нечего. А если получишь свою долю и отчалишь в солнечную Лапландию или куда ты там собрался, концы в воду. Всё будет в шоколаде.

– Кто должен подписать от института? – спросил он.

– Как обычно, – сказал брокер. – Директор и бухгалтер. На красивом бланке с гербовой печатью. Чтобы комар носа не подточил. Сможешь?

– Надо пошептаться кое с кем, – ответил он. – Тема больно скользкая...

– Зато бабки хорошие, – сказал брокер. – Честным трудом столько не нагорбатишь.

Он позвонил Юле:

– Какие планы на ночь?

– Соскучился? – сказала она.

- Есть малька. Шампанское стынет в холодильнике.
- И ещё розы, – сказала Юля. – Я обожаю, когда мне дарят цветы.
- Я как раз нахожусь около цветочного киоска.
- Буду к одиннадцати вечера.

Он сел за кухонный стол и внимательно просмотрел лист бумаги, изрисованный квадратиками и стрелками. Всю неделю он, как штык, являлся на работу в институт. Колян не пре-
минул съязвить: «Лопнула халтура, ударник капиталистического труда!»

«Пауза», – отшутился он.

Институт у них был закореневший, живший до сих пор в лучших традициях советского «режимного» времени. Бланки были номерные, отпечатанные типографским способом, и хранились в сейфе главбуха Клавдии Петровны. Так что первоначальную идею слямзить несколько бланков и подписать необходимые документы вместо директора пришлось отбросить как утопическую, к старушке у него подхода не было, тем более что она постоянно болела, перевалив всю текущую работу на Юлю.

Значит, всё-таки надо подписывать у директора. Но как?

Директор был заслуженный бухарик Российской Федерации, по вечно пьяному глазу мог подмахнуть любую бумагу. Но если вдруг вчитается? И кто ему понесёт на подпись?

Это было чертовски неприятно, но требовался сообщник. Колян не подходил. Колян был хороший парень и где-то даже друг, но дурак и трус, в этих делах, во всяком случае. Да и не в этих тоже. Ленка, его жена, много всякого про него рассказывала, когда он по молодости, грешен, её потраховал.

Оставалась Юля. Каждую пятницу Юля относила на подпись осололевшему от водки директору ворох бумаг, она же распорядилась ключами от сейфа главбухши.

Это было поганое решение, и он прекрасно отдавал себе в этом отчёт. Он не любил обманывать женщин и, строго говоря, никогда их не обманывал. Любовниц в его жизни было достаточно, особенно после развода, но он никогда не обещал любви до гробовой доски. Секс и больше ничего. Не хотите так, найдите себе лучше. Колхоз, как известно, дело добровольное.

Он вспомнил всё, что о ней знает. Тридцать девять лет, год назад окончательно разбежалась с мужем. Сын учится в Нахимовском училище в Севастополе. Маловероятно, что она готова двинуться в неведомую за границу от бедствий неминуемой революции. Хотя бы потому, что она в том возрасте, когда изнасилование взбунтовавшейся чернью страшит скорей на словах. Ей бы дачу обустроить, чтобы было, где картошкой запастись на случай кровавых событий. Да и тебе чужая ноша в зарубежных странствиях ни к чему.

– Впрочем, зачем эти песни? – с противной интонацией сказал он. – Юляша спит с Серюней лишь потому, что надо с кем-то спать. Как только на горизонте всплывёт лопух, готовый создавать с ней ячейку общества, ты будешь забыт как сгнивший помидор.

«Поэт, конечно, из тебя никудышный, – подумал он. – При чём здесь помидор?»

«Русскую женщину можно или полюбить, или разжалобить!» – эту высокопарную фразу произносил в стареньком чёрно-белом фильме про наполеоновский поход в Россию один щеголеватый французик. Точно, вспомнил он кадр из фильма, лягушатнику как раз русская графиня то ли руку перебинтовала, то ли яйца отрезала. Какое действие было дальше, он вспомнить не смог.

Итак, разжалобить, подумал он. Разжалобить чем? Болезнью. Неизлечимой болезнью дочки, поэтому она в Италию и поехала, в чудодейственную клинику. Где за сумасшедшие бабки спасут от рака. Смотри, не накаркай, сердито сказал он. Ты больше накаркаешь, успокоил он себя, если дочка будет шататься по Европе без средств существования, а тебя повесят на фонарном столбе как «врага народа» или просто зловредного болтуна. Как же сыграть так, чтобы поверила?

– Ну, не знаю... – сказала Юля. – Очень криминально выглядит твоё предложение.

Они сидят на ковре, он – голый, Юля завернулась в полотенце, шампанское давно выпито. «За водкой, что ли, сходить в ночной?» – думает он.

– Очень криминально, – повторяет Юля. – Тебя арестуют сразу, как только выяснится, что это мошенничество. А выяснится это в первый же месяц невыплаты кредитных процентов.

– Я исчезну, – сказал он. – Растворюсь среди народных масс. Уеду в Крым или в Караганду. А когда вернусь через пару лет, здесь будет такой кавардак, все банки прахом посыпятся. Революция, одним словом.

– Да не будет никакой революции, – недовольно сказала Юля. – Ты поменьше на Болотную площадь ходи. Только жить начали по человечески, никто не захочет в скотское состояние возвращаться.

– Нас, как обычно, не спросят. На Украине же не спросили. Но спорить не будем. Я... – он придал голосу предельную искренность. – Для меня жизнь дочки важнее, чем моя собственная.

– Понимаю, – сказала Юля. – Неужели, никак нельзя обойтись без этой итальянской клиники? Господи, какие сумасшедшие деньги: двести тысяч долларов. Есть же и у нас хорошие врачи. Потом всякие эти целители, экстрасенсы...

– Пустое, – горько сказал он. – Бывшая жена куда её только не возила. Без толку.

– А Ивана Федоровича тебе не жалко? – сказала Юля. – Затаскают ведь старика.

– Наш бухарик прошёл не одну комсомольскую стройку, – рассмеялся он. – Если при Советской власти не посадили, то сейчас и подавно орденосца никто пальцем не тронет. Отправят на пенсию, институт, в конечном счёте, только выиграет.

– А меня? – спросила Юля.

– К тебе не может быть претензий, – уверенно сказал он. – Я надеюсь, о наших отношениях ты никому не рассказывала. Ты об этих бумагах знать ничего не знаешь, как они к директору попали, понятия не имеешь. Ну, будут косые взгляды, ну и что с того? Придёт новый шеф, будешь с ним спать, всё будет в порядке.

– Ты считаешь меня шлюхой? – сказала Юля.

– Послушай, – сказал он. – Если бы я хотел тебя обмануть, наверное, не стал бы всё это так откровенно рассказывать. Ты можешь мне верить, можешь не верить, но ты мой последний шанс в жизни. И в жизни моей дочки тоже.

– Все вы, мужики, горазды за счёт баб выезжать, – сказала Юля. – Ни стыда у вас, ни совести. Я подумаю, ничего не обещаю.

В конце сентября позвонила бывшая жена.

– Привет! Алиса тебе уже сказала?

– Что именно? – притворился он. «Какая умная у меня дочка. Ни одного лишнего слова маме». О том, что Алису зачислили в Пармский университет, дочка ему уже сообщила. «Я скоро смогу отправить тебе сто тысяч долларов, – сказал он. – Сходи в местный банк, открой счёт».

– Твоя дочь теперь учится в Италии.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я позвоню ей по скайпу.

– Я поднакопила для неё деньги, дала перед отъездом, – сказала бывшая жена. – Я могу надеяться на твоё финансовое участие?

– Разумеется. Чем смогу, – сказал он. – Извини, мне звонят в дверь.

Юля вышла из ванны.

– С кем болтаешь?

– Из магазина звонили. Я же мебель выставил на продажу.

– Серьёзно готовишься, – сказала Юля. – Дай мне сигарету. Я подумала. Ты, конечно, гад, и в этой истории с гарантийным обязательством института очень сильно меня подставишь. Но если ты отдашь мне пятьдесят тысяч долларов, я переживу.

– Отдам, – сказал он.

– На тот случай, если вдруг забудешь отдать, предлагаю твою квартиру переоформить на мою троюродную сестру. Чтобы я была спокойна.

– Что за сестра? – спросил он.

– Хорошая сестра, – сказала Юля. – Наташей зовут. Живёт во Владимире. Не против перебраться в Москву.

– Как из себя? – сказал он.

– Я тебя умоляю, – сказала Юля. – Давай без хохмочек. Отдашь деньги, она квартиру вернёт обратно. Хотя, если ты собрался «в бега», лучше, чтобы квартира числилась на ней. Она сохранит, не волнуется.

– Я не волнуюсь, – сказал он. – Я тебе верю.

– Вызывать Наташу в Москву? – спросила Юля.

– Вызывай.

– У меня к тебе большая просьба, – сказала Юля. – Не тащи её в койку, во всяком случае, у меня на глазах.

– Ну, что ж, – произнёс брокер, – двести тридцать тысяч вам, двести тридцать тысяч мне. Поровну. Пересчитывать будете?

– Нет, – сказал он. – Верю на слово.

– Уезжать советую через Белоруссию. Через их таможеню слона в корзине провести можно.

– Я так и планировал, – ответил он. – Рад был сотрудничеству...

– Скажите, – перебил его брокер, – почему вы так уверены, что произойдёт революция?

– Всё просто. Точка невозврата пройдена давно, ещё в семнадцатом году. Потом был обманчивый регресс, Сталин не придумал ничего разумнее, как создать рабовладельческое государство с технократическим уклоном. Все последующие правители тиранами быть не хотели, да и не могли. В шестидесятые обнаружилась волшебная палочка-выручалочка, которая абсолютно соответствовала самой потаённой из национальных идей: грей себе бока на печи, а нефть течёт ручейком в богатые страны. Это тотальное распиздяйство привело к беспрецедентному раскачиванию системы, а затем, при демократической власти, к столь же оголтелому воровству. Ты лучше меня знаешь: в наши дни воровать выгоднее, чем работать. И страха уж нет, слишком долго нас пугали. В общем, налицо бессмертное ленинское определение революционной ситуации: верхи не могут, низы не хотят. Дальше только одно – взрыв.

– Грустная перспектива, – сказал брокер. – Если вы правы, конечно. Я люблю Москву, хоть и родом из Пскова.

– Возможно, именно сейчас начинают вырисовываться границы нового русского государства, – сказал он. – Думаю, что оно будет совсем другим. И в географии: пройдёт неширокой полосой от Баренцева моря к Чёрному, и в умах и настроениях людей. Думаю, что жители этой страны будут более прагматичными и ответственными в своих поступках. А, может быть, и нет. Я, со своими тараканами, остаюсь в прежней жизни, заполненной ложью, грязью и острым ощущением бессмысленности существования. Я остаюсь наедине с собой. Буду сидеть на берегу моря, смотреть на блики на воде и не слышать выстрелов.

– «... Уж если суждено в империи родиться, то лучше жить в провинции у моря», – сказал брокер. – Потрясающие стихи. Запомню, кто написал.

– Бродский, – сказал он. – При жизни был осужден за тунеядство, умер в эмиграции, в Америке.

– В России любят мёртвых поэтов, – сказал брокер. – Живые поэты доставляют слишком много неудобств.

Пармские банки отказали дочке в открытии счёта, потребовав множество дурацких справок из Москвы. Он отправил Алисе в несколько приёмов сто пятьдесят тысяч долларов через специализированную почту.

– Когда ты приедешь? – спросила дочка по скайпу.

– К Новому Году, ласточка, – сказал он. – Есть ещё разные организационные вопросы.

Юле он сначала хотел позвонить и попросить её вместе с сестричкой голыми встать раком на коврике перед входной дверью в квартиру, предварительно вставив в зад по свечке. Как только исполнят пожелание, он тут же привезёт обещанную сумму. Но, усмехнувшись, признал, что эта мальчишеская выходка слишком напоминает сцену из пошлого порнофильма, и просто поменял телефонную симку. «В конце концов, квартиру она заслужила», – подумал он.

Тридцатку он отложил в сторону, а на пятьдесят тысяч долларов, потусовавшись по ювелирным магазинам и наторговавшись вволю, купил золотые украшения. Деньги и золото убрал в объёмный пакет, пакет – в свой рабочий портфель, сделал выемку в полу бабкиного дома, спрятал туда портфель и аккуратно приколотил доски на место. Походил немного по комнате и переставил на место тайника тяжелое кресло.

Он пожарил яичницу и налил рюмочку коньяка.

– Ваше здоровье! Завтра поезду на вокзал, куплю билет в Брест. В Бресте поживу некоторое время, оценю обстановку, потом переберусь в Литву. Оптимально купить паспорт литовского гражданина. В приграничных районах должны быть кудесники по этой части. Найду.

Куда перебираться из Литвы, он ещё не решил. Разберусь на месте, подумал он, там совсем другая жизнь, мне не хватает информации.

Вдруг стало тяжело дышать. «Давление подскочило?» – занервничал он. Он приподнялся из кресла и, уже теряя сознание, увидел задумчивые пронзительные глаза, которые посмотрели на него из пустоты. Больше не было ничего.

Похороны организовала бывшая жена. Усопший, как выяснилось, был беден как церковная мышь. Она поехала к нему на квартиру, дверь открыла мерзкого вида особа, которая показала дарственную на своё имя.

– В коридоре там ещё чумадан с его вещами, – сказала особа. – Заберёте?

– Можете выбросить на свалку или оставить себе, – холодно произнесла бывшая жена. «Господи, с кем связался? Чумадан, в коридоре...»

В Калужской области у него жили родственники, но, сколько она помнила из своей прежней семейной жизни, он с ними не общался. Искать их она была не обязана.

Дочке она соврала, что папа умер в больнице от инфаркта и перед смертью просил передать, чтобы дочка на похороны не приезжала. Алиса расплакалась, но согласилась. В Парме было несравненно лучше, чем в холодной и унылой Москве.

В связи с дефицитом средств, хоронили на самом дальнем подмосковном погосте. Рано утром она заехала за телом в больничный морг, затем – за Коляном. Колян неуклюже поставил в автобусик похоронный венок с мятой ленточкой «В последний путь!» и сразу же начал шамкать: «Ну, вот как... Вот, значит, как...»

«Какой же он нудный! – подумала бывшая жена. – Не зря ему Ленка всю жизнь рога наставляет!»

Хоронить она решила по христианскому обряду. «Он атеист был и сволочь первостатейная, – подумала она, – но ему уже всё равно. А мне когда-нибудь зачтётся».

Батюшка из кладбищенской церкви читал заупокойную, она сжала в кулаке платочек и напряжённо всматривалась в лицо человека, которого когда-то так любила.

– Закрывать? – спросил рабочий. – Ветрено очень!

– Закрывайте! – сказала она. – Ехать пора.

Автобусик выехал на трассу.

– Странно, – сказал водитель. – Ни одной машины. Сегодня же не выходной?

– Четверг, – сказал Колян. – Обычный рабочий день. Смотрите, всадник.

По дороге галопом промчался всадник, через пару минут ещё несколько.

– Странно, – снова сказал водитель. – Что за маскарад?

Он остановил автобусик возле заправки.

– Схожу, узнаю, что к чему. У меня телефон не работает.

Ещё один всадник спешил рядом и принялся разминать ноги.

– Толпа штурмует Кремль, – сказал он, предупреждая её вопросы. – Началось всё мирно, с демонстрации на Садовом, вдруг появились люди с оружием, ящики с водкой и тут такое началось. Метро не работает, связь отключена, все автомобильные выезды перекрыты. Вырваться из города можно только пешком или, вот как я, верхом.

– Ну, ладно, милая, – он потрепал по загривку пугливо смотревшую на них лошадь. – Пойдём, поищем тебе сена...

Приказ никто не отменял

1

Дождь заливает окрестности. Он смотрит через стекло на мокрое поле аэродрома. Интересно, что всё-таки будет, если самолет не успеет затормозить и врежется в бетонное здание терминала. Столько раз виденные кадры кинохроники, посвященные авиакатастрофам, не давали полноты картинке, всегда оставалось ощущение, что оператор из-за пожара и царившей суматохи не сумел снять самое главное. Некую деталь, как в одном фильме ужасов, который растрогал его до глубины души: девочка, играя мячом, скачет по полю, а головы у девочки нет.

Должно быть, это чертовски обидно, думает он, умирать в огне под проливным дождем. Но задержки рейса не объявляли. Жаль, что курьер прилетает в Хитроу, а не в Гэтвик. От Гэтвика до его дома рукой подать. А отсюда три часа по пробкам с неторопливой английской скоростью.

Хотя, пожалуй, нет. Курьер, скорее всего, из молодых, возможно, это его первая командировка в Лондон, обратно ему вечерним рейсом, и сам он, по всей вероятности, из рязанских или липецких, он мечтает сделать карьеру, вполне может быть, что он во что-то верит, он будет смотреть во все глаза, когда он повезет показывать ему город, впитывая и смакуя впечатления как от незнакомого вина, его же учили объемному зрению. Они доедут до Лондона на кэбе, это страшно медленно, но очень познавательно, они будут гулять по центру пешком, он специально взял с собой резервный зонтик, в качестве компенсации они пообедают в устричном баре и курьер будет давиться неведомой дрянью, но терпеть.

Его раздражает эта появившаяся в последние годы манера присылать курьера с инструкциями для операции. Как будто нет космических спутников связи и прочих чудес техники. Прошлой зимой, в декабре, оказавшись в Москве, на выпивоне в честь дня чекиста, он съязвил по этому поводу. Юмор не оценили. К нам пришло много новых людей, сказал первый зам шефа, не пьяневший никогда и ни при каких обстоятельствах в лучших традициях службы. Из периферии. Им надо узнавать мир, причём быстрее, чем следовало бы. А при сегодняшней открытости границ сам бог велел. Понимаю, сказал он и свернул тему.

Слишком дождливо для марта. Как в романах Богомила Райнова, шпион идет под дождем по пустому полю аэродрома навстречу своей судьбе. Прости, негромко говорит он по-русски и улыбается девчужке, внимательно изучающей в окно только что приземлившийся самолет, шпионы это у них, а у нас разведчики.

Когда-то, в бурсе, они зачитывались романами Райнова. Из всего прочитанного в памяти остались лишь этот морозящий дождь и одинокий человек в плаще. Когда писал Райнов? Шестидесятые? Семидесятые? Видимо, образ был модный, в фильмах Тарковского тоже все время идет дождь.

Много позднее он увлекся романами Ле Карре. Любопытно было то, что то, что у нас называлась бурса, у них называлось ясли. Одинаковые представления о мире, думает он, неважно, какой окрас, чёрный, белый, красный. У них, пожалуй, больше самоиронии. Детишки пришли в ясли изучать взрывчатые вещества. Что такое бурса а р¹гiогi*, думает он? Что-то такое было у Гоголя. Да, «Вий», священник Хома учился в бурсе. Бурса – школа подготовки adeptов. Лучше не скажешь.

¹ изначально (лат.)

Мне нравятся устрицы, говорит курьер, брюнет лет двадцати семи. Я вообще люблю морепродукты, я вырос на море возле Анапы, по гражданской линии несколько лет работал в Таиланде. Они сидят в полуподвальном баре напротив Вестминстерского аббатства. Здесь можно курить, говорит он, редкий по нынешним временам случай. Владелец – аргентинец, ребёнок из первой волны послевоенных эмигрантов, поэтому ему многое прощается.

Я не курю, говорит курьер, а вот эль мне не понравился. Я выпью, с вашего позволения, виски. Пожалуйста, говорит он, кем вы работали в Таиланде? Вы не поверите, представителем туристической фирмы. Скучно было до безобразия. Я несколько раз подавал рапорт, и, наконец, меня перевели в оперативное управление. Меня на словах просили узнать, всё ли вам понятно в отношении объекта?

И что же на словах я должен ответить, улыбается он. Некоторые привычки объекта я знаю лучше, чем свои собственные. Я вам немного завидую, вдруг произносит курьер, вам будет, что вспомнить в старости. Разумеется, говорит он, я поселюсь на пенсии в домике с яблочным садом и буду рассказывать тимуровцам о своих тайных подвигах. Извините, говорит курьер, я глупость сказал. Что мне передать на словах? Передайте, говорит он, что нет ничего лучше плохой погоды.

Поздно вечером он звонит из машины жене: «Ильзе! Я срочно уезжаю в Ливерпуль по консульским делам. Наши морячки опять почудили в порту. Вернусь через два дня».

– Ох, уж эти морячки! – смеётся жена. – Ты заедешь за чистыми рубашками?

Нет, говорит он, меня просили приехать как можно быстрее. Куплю по дороге. Как Магда?

Я волнуюсь, говорит жена, первая беременность. Если заметишь неладное, он паркует машину на стоянке возле придорожного мотеля, сразу вызывай ветеринара. Даже ночью, у нас эта услуга оплачена.

Приезжай скорее, говорит жена, мне одиноко спать без тебя.

Он снимает номер на имя Джона Бэтхэма. Кто такой, этот Джон Бэтхэм, думает он, плотник на верфи в Бристоле или фермер на неприветливых Бермудах?

Для себя он называет это даосской практикой. Полная темнота. Бутылка виски, до дна в три приёма, безо льда и без закуски. Сигарета. Он звонит портье по внутреннему номеру: я завтра улетаю в Чили. Очень долгий перелет. Не беспокойте меня завтра целый день. Пометьте, разбудить в девять тридцать вечера. Спасибо.

Ещё сигарета. Опорожнение. Первая таблетка снотворного. Тело расслабить легко, с мозгом придётся потрудиться. Он прокручивает в памяти знакомый до каждой запятой файл. Пинос. Борис Абрамович. После поступления в институт сменил фамилию на Сосновский. Логично, пинос на латыни сосна.

Последний приём виски. Опорожнение. Сигарета. Один из первых новых. И, безусловно, самый яркий. Весь джентльменский набор: пирамиды, чёрный пиар, бюджетное мошенничество, посредничество в первую чеченскую войну. При недавно усопшем президенте стал серым кардиналом. Он смотрит на часы: вторую таблетку снотворного через десять минут.

После избрания нового президента, хорошо подмечено – избрания, вступил с ним конфликт. Конфликт проиграл, эмигрировал в Англию. Активов в России, после некоторой борьбы, лишился. Недавно, после серии судов с чукотским олигархом, лишился и активов за её пределами. По меркам миллиардеров, теперь – нищий.

Сигарета. Вторая таблетка снотворного. Надо поставить будильник на восемь утра, чтобы выпить третью таблетку. «Жизнь есть дурная повторяемость неблагоприятных поступков...» Кто это сказал? Парменид? Скорее, Пифагор. Пифагор уж точно применил бы своё любимое слово – предел. Чтобы извлечь смысл, надо установить предел. Кому надо?

Всё! Спать...

2

– Здравствуйте! – Пинос сидит к нему спиной. – Я ждал вас!

У него крепкие нервы, подумал он, даже не повернулся. Он молчит.

– Вы немой? – голос Пиноса спокоен.

– Нет, – говорит он. – Просто сказать: «добрый вечер!» прозвучит как неподобающий случаю оптимизм.

– Вы человек с юмором, – говорит Пинос, встаёт с кресла и поворачивается. – Я думал, что мой палач будет выглядеть по-другому.

– Разочарование, в определённом смысле, моя профессия, – говорит он.

– Да, конечно, – говорит Пинос. – Звать полицию, насколько я понимаю, бесполезно.

– С властями вопрос согласован. Сочувствую, но англичане вас сдали, Борис Абрамович. – Я им никогда не нравился, – говорит Пинос. – Рано или поздно это должно было произойти. А когда полчаса назад я обнаружил, что охраны и обслуги нет ни души и телефонная связь отключена, я сел в кресло и стал ждать.

– Теоретически у вас было время сбежать, – говорит он.

– Куда? – Пинос смотрит сквозь него. – Вы же всё равно найдете. А в моём возрасте быть подстреленным как зайчик на лугу просто неприлично. Вы курите?

– Да. Вас угостить?

– Будьте так добры. Я бросил курить семнадцать лет назад, а сегодня есть все основания начинать. Хотите выпить?

– Спасибо, на работе не пью, – он протягивает пачку сигарет.

– Я тоже не буду, – Пинос затягивается сигаретой. – Ах, почти забытый вкус бурной молодости. В чистилище лучше поступить трезвым. Как вы думаете, вы должны в этом неплохо разбираться.

– Вы преувеличиваете мою компетенцию, – он тоже закуривает. – Моя работа заключается в том, чтобы подвести к черте. Что за ней, я не знаю.

– Хорошо, – говорит Пинос. – Поговорим, как практичные люди. Каков набор услуг?

– Он отработан веками, – произносит он, – и не так велик. Либо принять яд, либо повеситься. Поскольку вы не римский император, вскрыть вены в горячей ванне – будет выглядеть вульгарно.

– Я не предполагал, что у вас есть эстетические принципы, – говорит Пинос. – Вопрос на засыпку: а если я откажусь?

– Я вас покину, вместо меня придут два человека. С лёгкой руки кинорежиссёра Бессона, мы их называем Мусорщик и Доктор. Один будет держать вас, второй сделает внутривенное. Всё.

– Пошло, – согласился Пинос. – Обойдёмся без водевиля. Сколько у меня есть времени?

– До рассвета, – говорит он. – Тёмные дела требуют тёмного времени суток.

– Не так уж мало. Положите пачку на стол, чтобы я не просил каждый раз сигарету. Расскажите о себе. Трудно откровенничать с совершенно незнакомым человеком.

– Вам хочется откровенничать? – спрашивает он.

– Провести последние часы перед смертью в безмолвии это бездарно, – говорит Пинос. – У вас нет причин меня опасаться.

– У меня самая обычная биография, – говорит он. – Родился и вырос в Кеми, это городок в северной Карелии.

– Я знаю, – сказал Пинос. – Оттуда пароходики бегают на Соловецкие острова. Я был когда-то, очень давно.

– На третьем курсе юрфака ленинградского университета был завербован в организацию, интересы которой я здесь представляю.

– Какой я у вас по счёту? – спрашивает Пинос.

– Не первый.

– Вы, по-видимому, относитесь к той части населения нашей страны, которая считает меня исчадием ада?

– В известной степени. Хотя морализаторство не моя стихия.

– Я очень хотел жить, – после некоторой паузы говорит Пинос. – Я ведь начал заниматься бизнесом сравнительно поздно, в сорок три года. Даже фарцовщиком не был в славные советские времена. Научный сотрудник в физтехе, сначала обычный, потом, когда защитил диссертацию по полупроводникам, старший. Двухкомнатная квартира в Беляево, которая досталась от покойного отца, очереди в магазин за всем на свете, раз в год на две недели «дикарём» в Крым. Сейчас трудно представить, но я был с бородкой норвежского шкипера, такой социалистический денди, одетый в польские джинсы и финские кроссовки, с болгарской сигаретой во рту. Году в восемьдесят втором, да, верно, в восемьдесят втором, Брежнев умер, жизнь совсем убогая наступила, вы должны помнить эти времена...

– Я помню, – говорит он. – В тот год я поступил на юридический в Ленинграде.

– Совсем меня эта серость достала. Я ходил с неделю вокруг да около ОВИРа, собирався подать документы на выезд в Израиль. Но жена, второй ребенок недавно родился, куда со всем этим багажом. В общем, вместо Израиля, купили дачный участок по Новорижскому шоссе, в институте как раз выделяли, такое болото было на месте сегодняшних элитных поселков.

– Фрагмент с дачей как-то выпал из вашей биографии, – говорит он. – В наших данных это не зафиксировано.

– А потому что я дачу так и не начал строить, – сказал Пинос. – Нет у меня склонности к сельскохозяйственной жизни. Вместо этого я развёлся. Хотя точнее будет сказать, что меня развели. Первая супруга моя была женщина домашняя, по гостям не любила ходить. А мне сидеть в нашей квартирке в Беляево, особенно зимними вечерами, было невыносимо. Семьянин из меня, конечно, был плохой. Тогда было модно, говоря современным языком, тусоваться по квартирам. Интересные люди приходили, писатели, ученые, художники. Дело было, как я уже сказал, зимой, в феврале, огромная коммунальная квартира на окраине Филей, пустая, потому что дом готовили к сносу. Выступал какой-то бард, то ли Городницкий, то ли этот «жаль, что в кухне не наточены ножи...», он только начинал.

– Митяев, – подсказывает он.

– Возможно, – говорит Пинос. – Я уже точно не помню. И вот представьте, среди довольно большого количества людей я вижу сочетание несочетаемого. Высокая, рост за 180 см, длинноногая якутка. Короткая юбка вровень с ватерлинией, кофточка едва прикрывает потрясающую грудь. Она оказалась поэтессой, читала свои стихи, полную восточную муть. Но мне было не до содержания, я буквально сжирал её глазами.

– Наира, – говорит он.

– Наира, – повторяет Пинос. – Я курил на лестничной площадке, она подошла и сказала: «Есть желание изменить жене?». Я, признаться, растерялся. Она смотрит на меня, чуть заметно улыбаясь, и говорит: «Паспорт с собой?» С собой, говорю я. Тогда поехали. Мы вышли на улицу, поймали попутку и приехали в аэропорт. «Мы едем ко мне!» – сказала Наира, купила два билета на самолёт и мы улетели в Нерюнгри. Отлёт был буквально минут через сорок после того, как мы приехали в аэропорт, так что у меня не оставалось времени включить тормоза. Откуда она это знала?

– Вероятно, была знакома с расписанием рейсов, – говорит он. – Если бы я лично не проверял эту линию вашей биографии, можно было бы сказать: какая красивая фантазия. Тем не менее, это правда.

– Я очнулся через два месяца, – сказал Пинос. – Это будет точное определение, потому что все эти два месяца я провёл в абсолютно невесомом забытьи. Я не помню, чтобы мы выходили на улицу, даже ели, Наира несколько раз в день варила странную похлебку из грибов, приговаривая, что она шаманка. В общем, был только безудержный секс, ничего подобного у меня не было ни до, ни после того. Я думаю, что это действительно были грибы, какие-нибудь галлюциогены. Я лежал на тюфяке, застланном почему-то зелёной простыней. В комнате никого не было. Я почувствовал чей-то внимательный взгляд, повернул голову и увидел фотографию Наиры в чёрной, почти траурной рамке. Я встал с тюфяка, взял в руки фотографию, на обратной стороне было написано: не ищи меня!

Я походил по комнате, искал сигареты, не нашёл, оделся и, по-моему первый раз, вышел на улицу. Вам приходилось бывать в «шанхаях»?

Нет, говорит он, но насколько я понимаю, это трущобные районы в северных поселках нашей великой Родины.

– Нерюнгри вырос вокруг угольного разреза, – сказал Пинос. – Зеков там, кстати, не было. Молодежь, стройотряды, много хохлов и белорусов по контракту. И хотя общежития строили прытко, жилья всё равно не хватало. Потом, не всем нравилось тесниться в комнатухах по десять человек, особенно женатым. Очень быстро, на окраине городка, возле трассы, которая вела к Оймякону, «полюсу холода», стали как грибы появляться домики из фанеры и любого прочего подсобного материала, один местный кулибин умудрился смастерить халупу из водочных бутылок. Отопление печное, удобства, простите, на улице, в пятидесятиградусный якутский мороз – неподражаемое ощущение. Зато своё, без коммунального панибратства. Вот в таком «шанхае», после исчезновения Наиры, я и прожил несколько лет.

– Любопытный поворот в судьбе старшего научного сотрудника, – сказал он. – Интересно, как вы объяснились с женой?

– Без надрыва, – сказал Пинос. – Когда очухался окончательно, я ей позвонил. Сказал, что мне предложили важную работу, настолько секретную, что не могу рассказывать по телефону. Когда приеду в Москву, неизвестно. Если она хочет, может подать на развод, квартиру и дачу ей оставляю. Она и подала, без особых колебаний. Против общения с детьми жена не возражала, я с ними часто разговаривал по телефону. Я и со всеми последующими своими детьми общался, в основном, по телефону. У меня так лучше получается, чем воочию.

– На востоке это называется эффект синтоистского театра, – говорит он. – Кабуки, Но, Кёгэн и так далее. Ты сидишь в зале, на сцене происходит полнейшая бессмыслица, плаксивая мелодрама из жизни средневековой Японии, тебе скучно, ты украдкой смотришь на часы в нетерпении ожидая, когда эта белиберда закончится. Наконец долгожданный финал, актёры церемонно кланяются, а ты сидишь на месте и не можешь подняться. Ты не можешь объяснить, что с тобой происходит. Мир в твоей душе перевернулся с ног на голову. А, может быть, встал с головы на ноги. Раньше или позже возвращение в реальность происходит, но отныне ты будешь смотреть на этот мир под несколько иным углом зрения. По всей вероятности, с вами произошло нечто похожее.

– Может быть, – сказал Пинос. – Я не настолько эрудирован, как вы. Но я очень хорошо помню своё тогдашнее ощущение: мне окончательно расхотелось быть обычным человеком. Чмокать от зависти или восторгаться успехами других, как поступали мои коллеги по институту. Научная карьера мне была заказана и не потому что я еврей. Птица не того масштаба, мне однозначно дали это понять на защите диссертации. Что называется – талантлив, но не гениален. Да и я сам знал, что наука это не моё. Каждый цезарь когда-нибудь должен перейти свой рубикон. Мой, в силу обстоятельств, оказался в ледяной Якутии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.